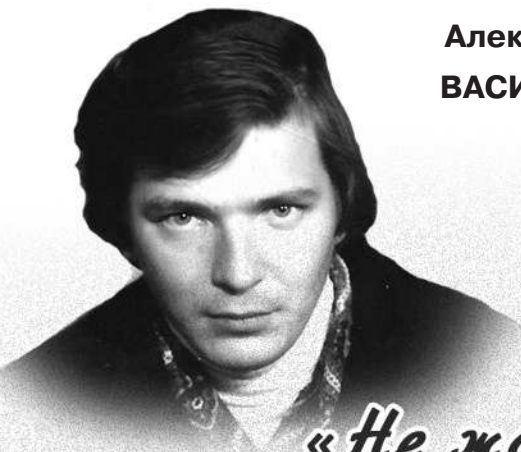

Александр Петрович ВАСИЛЬЕВ*(5.05.1953–26.09.2020) родился в Петрозаводске.**Окончил Петрозаводское речное училище,
работал механиком на судах заграничавания,
затем сменил полтора десятка профессий.
Публиковался в журналах «Север» и «Молодая гвардия»,
в коллективных сборниках,
в том числе в антологии поэзии Карелии «Дерево песен».**Большой, книжного объема цикл стихов
«Восстань, душа!..» вошел в сборник поэтов Карелии
«Волны трав» (1998).**Автор поэтической книги «Имени твоему...» (2011).**Член Союза писателей России с 2002 года.***Александр
ВАСИЛЬЕВ****«Не жду
тернового венца...»**

* * *

На распутье стоят зеркала,
чтоб вторую тропу сделать первой.
Подойду никакого числа,
прочитаю и «Кредо» и «Верую».
В зеркалах не увижу лица,
только белое — будто бы в морге я.
Я — рождённый под знаком Тельца,
накануне Святого Георгия.

* * *

Зачерпнул этой жизни погуще, со дна,
На ветрах подержал, долю взвешивая.
Только что-то похлебка моя солоня:
Кто-то плакал над нею, помешивая...

* * *

Восстань, душа!
Восстань, душа, из праха,
Из пепла пустозерского костра,
Из копоты свечи в темнице патриарха,
Восстань, душа,
Крылатая сестра!
Восстань, душа!
Восстань, душа, из тлена,
Из чада правды, ереси и лжи.
Когда у плахи покачнусь смиренно,
Восстань, душа,
И разум сокруши.

* * *

Не жду тернового венца,
не требую за око — око...
Но книгу древнего пророка
листаю тщетно без конца.

Вписать в пророчество пять строф!
И, может быть, ещё придётся
пить из отравленных колодцев
и греться у чумных костров.

22 ИЮНЯ*Памяти деда Алексея*

Прощались коротко с друзьями
и молча пили «посошок»,
смотрели сильными глазами,
как на судьбу, на вещмешок.

Шаги замедлив у порога...
(Минуты эти годы жгли
Их, ждущих) ... И была — дорога.
И, не оглядываясь, шли.

А впереди был путь неблизкий
к послевоенным обелискам.

218 Александр Васильев

* * *

Не слышать радио, не видеть
газет, не помнить и — не быть...
Мы так боялись ненавидеть,
что все боимся — полюбить.
Но кровь течёт, как та водица,
пропал во тьме пожаров Спас.
А Русь — конечно, возродится,
вот только жаль, что — после нас.

* * *

О родине мы любим говорить.
Так с другом говорил и я. В надежде
когда-нибудь уехать в Заонежье,
быть может, чтобы детство повторить.

Когда о родине ты скажешь: «Это — здесь!»,
когда вдохнёшь в себя простор и травы, —
вот лишь тогда сказать имеешь право
себе и человечеству: «Я есть!»

* * *

Темно! — как будто чёрная звезда
сверкает в небе жемчугом поддельным.
Остановилось время навсегда,
который год «тяжёлый понедельник».
Мне одиночество (три «о», как волчий вой)
пожизненно дано и — без амнистий.
Здесь осенью свистят над головой
осколки лета — бронзовые листья.
Ах, время, время! Кто бы подтолкнул.
Заносит годы седина, как пепел.
Пока я ждал — сменили караул
моей тюрьмы, а я и не заметил.

* * *

За двойными рамами греюсь.
Благо — солнечная сторона.
Не живу. Но дышу, надеюсь.
Бабье лето. Бабья страна.

Но уходит сентябрь, смеётся,
рассыпая зелёную медь.
Между рамами бабочка бьётся,
всё пытается улететь.

ЗИМНЕЕ

На окраине столицы.
Он один. Она одна.
Две московские синицы
На кормушке у окна.

Вечер. Небо тонкой солью
Запылил Чумацкий шлях,
Грусть, присыпанная болью,
Разговор о журавлях.

* * *

То ли слышится. То ли кажется.
То ли кто-то со мной говорит.
Заварил я такую кашу —
не сбежит и не подгорит.

Словно все слова приморозило.
Или выдуло их за дверь.
Словно бросила... соли бросила,
не растёт трава и теперь.

По асфальту дождь. Лампы ртутные
в лужах плаваются и плывут.
Только кажется — позовут меня.
Позовут меня.
Позовут.

* * *

Ах, как хочется праздника!
Как спасения хочется.
Многолюдное, праздное —
не вздохнуть! — одиночество.

Позабуду пророчества,
попрошу милосердия.
Ах, как праздника хочется!
И немного — бессмертия...